

А. В. Гладышев

СЕН-СИМОН В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦИИ ЭПОХИ КОНСУЛЬСТВА

Консульство – своеобразный «эпилог» Французской революции. Это период консолидации национального класса собственников, время совместного поиска наилучших способов функционирования институтов, выражающих общий интерес. Это время напряженной умственной деятельности, это время осмысления только что пережитого катаклизма.

Об интеллектуальной физиономии эпохи можно судить исходя из характеристики ее виднейших умов, из анализа круга интеллектуальных интересов, животрепещущих проблем, находящихся в центре внимания как интеллектуальной элиты общества, так и просто «читающей публики», исходя из уровня образованности и просвещенности общества в целом. Всегда будет существовать контраст между дискурсами интеллектуальной элиты и конкретикой реальной интеллектуальной жизни. В этом отношении важны не только высокие проявления интеллекта, выдающиеся политики, философы, писатели, но «второстепенные» и «третьестепенные» персонажи, забытые читателями и учеными: это не просто фон, оттеняющий шедевры мысли, это среда, атмосфера, без которой невозможны были бы и шедевры.

Говоря об «интеллектуальной жизни Франции», на практике мы имеем в виду лишь интеллектуальную жизнь столицы. С одной стороны, – интеллектуальная элита столицы, с другой, – малограмотная в массе и малоизвестная провинция. То, что столица и провинция не одно и то же, то, что Франция не представляет из себя единства понимали уже в начале XIX века. «Французское государство – соединение разнородных культур, различных национальных нравов, едва прикрытых господствующей национальной французской цивилизацией», каждая провинция имела свою собственную физиономию, свой местный колорит, в свою очередь распадающийся на традиции и интересы различных социальных слоев¹.

Между тем, в «идейном бомонде» действительно существовали общезначимые и общеобсуждаемые вопросы, так сказать, «общие идеи». Ф. Гизо писал в «Курсе современной истории»: «В течение последних 50 лет мы жили под властью общих идей, все более распространяющихся и повелительных, под тяжестью грозных событий, которым почти невозможно было сопротивляться. Результатом была некоторая расслабленность, дряблость духа и характера. Лич-

¹ См.: *Реизов Б. Г.* Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л., 1958. С. 102. Следует также иметь в виду, что некоторая часть населения - билингвистична. Многие французы читали литературу на иностранных языках, круг их интересов если и не шире, чем у незнающих языков, то, по крайней мере, он информационно богаче (о знакомстве французов с английским языком и английской литературой во Франции см.: *Partridge E.* The French Romantic's Knowledge of English literature (1820-1848). L., 1924).

ным убеждениям и воле не хватает энергии и самоуверенности. Люди верят общепринятым взглядам, подчиняются всеобщим увлечениям, уступают внешней необходимости. Ни у кого нет сознания своей собственной силы и уверенности в своей собственной мысли».²

Не будем спорить с Ф. Гизо по поводу самостоятельности мышления в ту эпоху или «дряблости характера», но остановимся на «всеобщих увлечениях», попробуем выяснить, что витало в интеллектуальной атмосфере эпохи, что волновало умы и что дискутировалось.

Эпоха Консульства, в том числе и отдельные аспекты ее литературной или идейной жизни, давно привлекает внимание историков. Исследуются самые различные аспекты духовной жизни этого времени: религия, театр, музыка, художественная литература, журналистика, искусство, философия, история, лингвистика, образование, естественные и точные науки, социальные, экономические и политические теории. С другой стороны, обобщающего исследования по этой проблеме до сих пор нет. История интеллектуальной атмосферы эпохи Консульства изучена весьма фрагментарно.

Не претендуя на полноту и широту изображения батального полотна интеллектуального состояния французского общества той эпохи, в данной статье предпринимается попытка вписать фигуру одного из известнейших людей в истории Франции Клода-Анри Сен-Симона (1760-1825 гг.) в идейный контекст его времени, показать этого еще только начинающего мыслителя на фоне духовной атмосферы эпохи. Такой подход поможет понять не только идеи, но и некоторые, казалось бы, анекдотичные поступки К.-А. Сен-Симона. Это тем более соблазнительно сделать, что и в отечественной, и в зарубежной историографии о К.-А. Сен-Симоне больше говорят (точнее упоминают его или ссылаются на него), чем читают и изучают его. Даже такие крупнейшие знатоки жизни и творчества К.-А. Сен-Симона, как Ж. Дотри и Г. Гуйе, разыскавшие массу неизвестных ранее фактов из его жизни, акцентируют внимание на филиации идей, а точнее, на непосредственном, «персональном» идейном влиянии на становление К.-А. Сен-Симона как мыслителя трех-четырёх умственных авторитетов начала XIX века.

С 1798 г. начинается научная и философская карьера К.-А. Сен-Симона. Этот год в качестве рубежа в жизни К.-А. Сен-Симона называют как исследователи³, так и сам мыслитель⁴. В одном из более поздних автобиографических пассажей он так напишет об этом: «Я изучил сначала науки физико-математические, их современное состояние... Эта работа продолжалась три года... Когда я вошел в курс физико-математических наук, так сказать, физики твердых тел..., то я вступил в отношения с физиологами, и прекратил свои занятия только после того, как получил представление о физике тел органических»⁵. Он вращается в кружке физиологов, концентрировавшихся вокруг Биша. К этому кружку принадлежали его друг Бурден, некоторые положения которого из его вступления к «Курсу ме-

² Guizot F. Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation en France. P., T. IV. 1830. P. 29-31; Цит. по: Peuzov B.G. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л., 1958. С. 77-78.

³ Например, Gouhier H. La jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme. P., 1936. T. 2. P. 103; Dautry J. Pour le cent-vingt-cinquieme anniversaire de la mort de Saint-Simon // La Pensée. 1950. № 33. P. 30.

⁴ Saint-Simon H. Textes choisis. P., 1951. P. 51.

⁵ Цит. по: Hubbard N. G. Saint-Simon, sa vie et ses travaux. P., 1857. P. 35.

дицинских занятий» К.-А. Сен-Симон позднее использует, а также Галь, Бленвилль, Пуассон. Фуркруа в своих мемуарах вспоминает, что в салоне К.-А. Сен-Симона часто бывали Бурден, Дюпюитрен, Пуассон, Монж, Лагранж, которым хозяин оказывал некоторую материальную поддержку⁶. Чем объясняется интерес К.-А. Сен-Симона именно к этим наукам?

Естественные науки были в то время, пожалуй, самыми главными. Здесь скрывался «подпольный материализм», который в начале XIX века уже не мог проявляться в привычных для XVIII века формах⁷. Химия, например, предложила новую концепцию природы, а физиология нанесла смертельный удар по теории бесплотной души. Но дело даже не в самом материализме. Дело в определенном разочаровании французов в просветительском философствовании, дело в том, что открытия в области естественных и точных наук так и остались открытиями, так и остались не опровергнутыми, в отличие от некоторых абстрактных умозаключений философов XVIII века, не выдержавших проверки Революцией. Естественные и точные науки составляют базу образования.

Имея в виду его собственную ссылку на «трехлетние усилия», можно предположить, что примерно к началу 1802 года К.-А. Сен-Симон насытился своими беспорядочными занятиями и беседами с учеными. Позднее же память вольно или невольно обрабатывает прошлое, и К.-А. Сен-Симон будет представлять свою жизнь (в том числе и «поэтапное» изучение различных наук) в виде геометрической серии строгих планов и опытов. Салонная жизнь имела свои традиции и, несмотря на всю разницу между салонами Старого Порядка, Революции и Империи, возможность *обучения* наукам в салоне весьма ограничена. Один из главных источников для изучения «салонного климата» начала XIX века - французский «*Journal des dames et des modes*» за 1802 год отмечает «сложности» салонного общения: «Чайные общества (*les Thés*) и балы были в нынешнюю зиму у нас многочисленны... Те, которые по состоянию или по месту своему могут жить открытым домом, принимают одних званых, составляющих число, а не имеют всегдашних, составляющих общество. Легче пригласить на чай 80 или 100 человек, нежели двадцать на ужин, требующий короткого знакомства или привычки видеться, которой еще нет»⁸.

К.-А. Сен-Симон, выбрав в качестве метода самообразования салонные беседы с различными учеными, вряд ли смог достигнуть сколько-нибудь высокого научного уровня. Однако сам он, по всей видимости, посчитал себя уже достаточно подготовленным для публичного обнародования своих собственных идей. «Я думаю, что человек, в голове которого сформировалась новая концепция должен всеми средствами, которые в его власти, удостовериться насколько эта концепция нова для других, и, если результат этого анализа позволяет считать, что этот человек думает о некоторых вещах не так как другие, то он должен наиболее возможно быстро сообщить свою концепцию», – напишет К.-А. Сен-

⁶ Weill. G. Un Précurseur du socialisme: Saint-Simon et son oeuvre. P., 1894. P. 12-14.

⁷ «Если когда-нибудь и существовал философский «тоталитаризм», то позиция французской буржуазии по отношению к материализму XIX века может быть охарактеризована, по мнению современного французского исследователя Л. Сэва, как одно из самых классических проявлений этого «тоталитаризма». (см.: Сэв Л. Современная французская философия. Исторический очерк: от 1789 года до наших дней. М., 1968. С. 182).

⁸ Вестн. Европы. 1802. Ч. 2, № 7. С. 354-355.

Симон в начале 1802 года в одном из своих так называемых «Писем в «Общество Лицея»⁹. Итак, «новая концепция».

Ж. Дотри обнаружил протокол заседания Административного комитета Лицея от 29.01.1802 г., в котором говорилось об инциденте произошедшем 26.01.1802. Сразу после окончания занятий в Лицее по литературе место профессора на трибуне неожиданно занял К.-А. Сен-Симон, который начал рассуждать по различным вопросам наук и искусств, симпровизировал несколько удачных фраз и вызвал смех у собравшихся. Административный комитет Лицея, желая предупредить подобные сцены, обращает внимание комиссара зала (проф. Больдони) на необходимость строгого соблюдения регламента и недопустимость самовольного чтения в Лицее публичных речей. Копия этого постановления должна была быть вывешена в зале для занятий. Это событие не наделало большого шума, на него нет никаких откликов ни в рапортах полиции, ни в периодической печати¹⁰. Но история имела продолжение.

Что представлял из себя Лицей или «Общество Лицея»? В 1781 г. аэронавт Пилатр де Розье основал «Музей Его величества», который с 1785 г. стал «Лицеем», а затем и «Республиканским Лицеем». В 1802 г. определение «республиканский» уже ставило Лицей в несколько затруднительное положение. 22.11.1802 было объявлено об организации 30 учреждений среднего образования, которые должны были именоваться просто «лицеями». Тем самым, «Республиканский Лицей» становился похож на белую ворону и, после принятия 01.05.1802 подготовленного Фуркруа закона, «Республиканский Лицей» превращается в «Атеней»¹¹. «Общество Лицея» было образовано акционерами - основателями. Из них Генеральная ассамблея назначала Административный совет. Обучение в Лицее было платным – 96 ливров в год, а для женщин и иностранцев в два раза меньше. В «Республиканском Лицее» преподавали ботаники Вентенан и Мирбель, зоолог Кювье, анатом Сюэ, физики Бютэ и Хассенфранц, химик Фуркруа, политэконом Редерер, историк и философ Дежерандо, литератор Лагарп. Но только курс Лагарпа имел свою постоянную аудиторию. Фуркруа, зарабатывавший, кстати, в два раза меньше Лагарпа, в торжественной речи 22.11.1801 по случаю начала нового лицейского года заявил, что правильнее было бы именовать «Республиканский Лицей» «Лицеем Лагарпа»¹². Обращает на себя внимание отсутствие в «Республиканском Лицее» математических наук. В соответствии с нуждами революционного общества образовательные программы были ориентированы как раз в сторону математики, руководство же «Лицея», игнорируя математику, тем самым как бы дистанцируется от революционного периода.

К.-А. Сен-Симон мог быть в лучшем случае только «подписчиком», т. е. лицеистом и его права соответственно были ничуть не больше прав обычного слушателя. Его научный экспромт 26.01.1802 – очевидное нарушение установлен-

⁹ Цит. по: *Dautry J. Sur un imprimé retrouvé...* P. 291; Или: *Dautry J. Une Réapparition de C.-H. de Saint-Simon // La Pensée. 1966. № 127. P. 84.*

¹⁰ См.: *Dautry J. Op. cit. P. 294.*

¹¹ *Dautry J. Op. cit. P. 295.* По этому вопросу см. также: *Aulard A. Napoleon I-er et le monopole universitaire. P., 1911.*

¹² *Dautry J. Op. cit. P. 297.*

ных в учебном заведении правил. Слово имел право брать только утвержденный «Обществом Лицея» по представлению Административного комитета лектор.

К.-А. Сен-Симон захватил трибуну, как это указано в протоколе Административного совета, после «занятий по литературе», т.е. после лекции Лагарпа. О чем он говорил лагарповской аудитории? Мы можем теперь только догадываться, что вызвало смех у слушателей – остроумие К.-А. Сен-Симона или уровень его научной подготовки. Авторитетность Лагарпа, «Франсуа Мориака своего времени», с одной стороны, и научная безвестность К.-А. Сен-Симона, с другой, сопоставимы. К.-А. Сен-Симон явно переоценивает свои таланты, пытается импровизировать после такого «краснобая», как Лагарп.

К.-А. Сен-Симон учел урок с нарушением регламента, но не отказался от идеи сделать достоянием публики свою «новую концепцию». 29.01.1802 он пишет в «Общество Лицея» письмо, в котором просит дать ему возможность провести в Лицее несколько занятий по математике, физике, химии, а также довести его послание до сведения всех членов Лицея. Административный комитет решил, что подобное предложение, как минимум, противоречит регламенту Лицея, просьба была отклонена, что и было зафиксировано соответствующим протоколом от 01.02.1802.

Отказ Административного совета хоть и не содержал даже намека на «политес» не обескуражил К.-А. Сен-Симона. Он пишет 09.02.1802 второе письмо, в котором выражает надежду все же провести в Лицее занятия. Административный комитет проигнорировал это послание, а К.-А. Сен-Симон пишет 28.02.1802 третье письмо, в котором указывает, что если Административный комитет окончательно решил закрыть ему дорогу на трибуну Лицея, то тем хуже для Лицея. Далее автор письма приводит довольно несвязанные рассуждения о математике и ньютоновском притяжении.

Думается, что имя Ньютона здесь не случайно. Учение Ньютона имело решающее значение для всей философии XVIII века, одним из популяризаторов его учения был, например, сам Вольтер. После же окончания Французской революции, в атмосфере критической реакции на блестящие обещания просветителей, доставалось и Ньютону. Так, одна из самых, с одной стороны, популярных газет того времени, а с другой, – одна из самых антипросветительских и антиреволюционных «*Journal de Debats*» с особым рвением атаковала и высмеивала именно Ньютона и «процветавшую в самые варварские времена» математику. К.-А. Сен-Симон же, защищая математику и Ньютона, тем самым пытается защитить наследие просветителей XVIII века.

Он одержим идеей «новой концепции»: «Если человек, – пишет К.-А. Сен-Симон, – убедившись, что его концепция нова, предоставляет ее обществу..., то он поступает верно. Новая концепция – большая удача для того, в чьей голове она оформилась; она большая удача для общества, которому она сообщена; она большая удача для человечества»¹³. По всей видимости речь идет не просто о какой-то новой научной идее или даже открытии, а именно о новой глобальной концепции. Может показаться, что К.-А. Сен-Симон в этом отношении не скромнен. Во-первых, он еще в детстве приказал своему слуге будить его словами: «Вставайте, граф, Вас ждут великие дела», а во-вторых, время было такое. Это

¹³ *Dautry J.* Op. cit. P. 291-292; *Dautry J.* Une Réapparition de C.-H. de Saint-Simon // *La Pensée.* 1966. № 127. P. 84.

время пророков. Интеллектуалы этой эпохи представлялись чрезмерно амбициозно, они видели себя интерпретаторами духа эпохи, пророками будущих времен, они провозглашали новые религии¹⁴.

К.-А. Сен-Симон предлагает «Обществу Лицея» изложить методологию математики, физики, химии, физиологии, литературы и искусств, чтобы выработать новую «всеобщую метафизику». (Этот перечень наук неслучаен, эти же науки будут им включены в следующее сочинении - в «Письма Женевского обитателя» – в Совет Ньютона). Что это была за концепция? Позднее (в 1807-1808 гг.) К.-А. Сен-Симон напишет, что идея создать новую Энциклопедию XIX века пришла ему *после* окончания занятий «физикой твердых тел», «физикой органических тел» и с началом занятий «физикой социальных тел». Скорее всего, идея новой Энциклопедии XIX приходит ему в голову *в ходе* его «салонных» занятий с учеными. Возможно именно об этом он и пытался рассказать лагарповским слушателям 26.01.1802.

К.-А. Сен-Симон выбирает для своего дебюта именно лагарповскую аудиторию не случайно.

Жан Франсуа де Лагарп (1739 - 1803), последователь Вольтера и член Французской академии с 1776 года, в свое время республиканец и революционер. Он был автором настолько антиклерикальной драмы, что ее постановка стала возможной только в 1791 году. После заключения в 1793 г. в тюрьму (та же участь тогда постигла и К.-А. Сен-Симона), из вольтерянца Лагарп превращается в фанатичного католика, бичующего «врагов совести и нравственности». Начиная с 13 вандемьера (06.10.1795), отчетливо проявляется его роялизм. В этой связи полиция Директории побеспокоила его после переворотов 18 фрюктидора и 30 прериала, но после переворота 18 брюмера он уже прочно утвердился в «Республиканском Лицее». Б. Констан в памфлете «О политических реакциях» (1797 г.) довольно прозрачно намекает на Лагарпа: «Скептики и атеисты, в былые времена щеголявшие вольнодумством и снискавшие себе некогда популярность своим дерзким отрицанием, ударились теперь в католическую мистику и с азартом проповедают религиозную нетерпимость»¹⁵. Один из немногих послереволюционных вольнодумцев, поэт и бывший член революционного Конвента М. Ж. Шенье в 1801 г. (правда, анонимно) опубликовал сатиру «Новые святые», в которой в одном ряду фигурировали имена Жоффруа, Клемана, мадам Жанлис, Шатобриана и новообращенного католика Лагарпа. Мари Жозеф Шенье называет Лагарпа «Большим Увальнем литературы» и заключает его описание следующей сентенцией: «Я говорю, что все плохо, ибо я люблю справедливость»¹⁶.

Между тем, Лагарп после революции был популярен. Большой известностью пользовались его критические статьи, а особенно многотомный «Лицей, или Курс древней и новой литературы», вышедший с 1799 по 1805 гг. в 16 томах, пе-

¹⁴ См.: Christophe Charle. Les intellectuelles en Europe au XIX siècle. Essai d'histoire comparée. P., 1996. P. 35.

¹⁵ Цит. по: Шахов А. Очерки литературного движения в первую половину XIX века. СПб., 1907. С. 316-317.

¹⁶ Шахов А. Указ. соч. С. 52. Другой анонимный памфлет рассматривавший прежнюю жизнь Лагарпа, когда он «был прикомандирован к философским знаменам», принадлежал перу верного вольтерянца и бывшего теофилантропа Палиссо де Монтенуа. (см.: Dautry J. Op. cit. P. 309).

реведенный на другие языки, в том числе в 1810-1814 гг. и на русский, и несколько раз переиздававшийся. Лагарп был «любимчиком» высшего света, его литературные суждения имели исключительный авторитет. Лагарп восседал на своем литературном троне и казался неоспоримым. «Gazette de France» писала 30.05.1801: «Герой литературы не может упустить случая сразиться с выгодой для себя на почве уже покрывшей его лаврами... Положение Лагарпа – безмятежное и прославленное»¹⁷. Лагарп оставил в «Лицее» чисто литературную критику, чтобы, по его собственным словам, проповедовать «все то, что может внушить омерзение и презрение к революционной философии, без ограничений и исключений»¹⁸. Политико-религиозная позиция Лагарпа, его контрреволюционные проклятия доставили ему некоторые неприятности. Он и сам признавал, что даже в Лицее существует оппозиционная ему партия. Н. М. Карамзин в мартовском номере «Вестника Европы» за 1802 год перепечатал следующее замечание одного из Лагарповских слушателей «Лагарп есть Герой Лицея; читает, рассуждает и бранит новых философов так, что уже скучно слушать его... Главная выгода сего чтения есть та, что профессор не пускает нас вперед, а держит на одном месте – по крайней мере мы не устанем! Все влетает и вылетает: ничего не остается»¹⁹. Через два года после смерти Лагарпа известный астроном Лаланд напишет: «Часто говорят о Лагарпе, что его напускная набоженность, его превеличенная набоженность была лицемерим. Что касается меня, то я всегда думал, что это на самом деле дряхлость»²⁰.

К.-А. Сен-Симон был относительно малоизвестен. В годы Якобинской диктатуры он даже арестован был из-за путаницы имен,²¹ в годы Директории он был далек от большой политики, так же как и от большой науки и прославился главным образом своими кутежами и экстравагантными поступками²². Тем не менее, в нашем распоряжении имеются данные, которые свидетельствуют о том, что, в отличие от Лагарпа, К.-А.Сен-Симон не становится «расстригой философии», не меняются кардинально и его политические симпатии²³. К какой же идейно-политической группе близок К.-А. Сен-Симон в годы Консульства?

Во времена Консульства самые разнообразные вопросы могли стать предметом острой дискуссии, наверное, нет такой области интеллектуальной деятельности, где бы мы не нашли оппозиции официальной точке зрения или правительственной политике. Существовала оппозиция военная: Сталь в своих мемуарах заявляла, что со второй половины 1801 года сформировалась группа военных во главе с Бернадоттом, членов Трибуната и даже сенаторов, которые пытались воспрепятствовать укреплению наполеоновского деспотизма²⁴. Имела ме-

¹⁷ Aulard A. Paris sous le Consulat.. P., T. 2 1900. P. 359.

¹⁸ Цит. по: Dautry J. Op. cit. P.309.

¹⁹ Вестн. Европы. 1802. Ч.2, № 6. С. 134-135.

²⁰ Цит. по: Dautry J. Op. cit. P.310.

²¹ Подробнее см.: Гладышев А. В. К вопросу об аресте Сен-Симона // Новая и новейшая история. Саратов, 1989.

²² Подробнее см.: Гладышев А. В. Сен-Симон накануне и после переворота 18 фрюктидора V года республики // Эпоха Великой Французской революции. Чебоксары, 1989.

²³ См.: Гладышев А. В. Сен-Симон до и во время революции.// Вопросы истории. 1993. № 6.

²⁴ О том же, ссылаясь, правда, на ту же де Сталь, писали П.Готье и В.А.Бутенко. (см.: *Stael de. Dix annés d'Exil. Paris, s.a. P. 43; Gauthier P M-me de Stael et Napoleon. P., P 79-80; Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913. С. 78; Туган-*

сто оппозиция «финансовая». С критикой финансовой политики правительства Консульства выступал швейцарский политик и экономист Ф. Дивернуа (1757-1842 гг.), выпустивший в 1802 г. в Лондоне книгу «Пять обещаний» как ответ на книгу Неккера «Последние взгляды на политику и финансы» (1802 г.). Ф. Дивернуа пишет, что если провести между прежним и новым финансовым режимом сравнение, то она была бы весьма обидна для правительства Консульства, что «судебный процесс» над финансами монархии будет для нее благоприятный, что позитивные результаты, на которые ссылается Неккер, – мнимые, что это обман и т.д. «Финансовая система французов покоится исключительно на их почве и их мужестве (*sur leur sol et sur leur courage*), сказал недавно Бонапарт в своем манифесте опубликованном в Гамбурге, – пишет Дивернуа, – никогда не было признания более наивного и более пугающего. Никогда в столь ясных выражениях не было заявлено, что все фискальные источники (Франции, – А. Г.) были и до сегодняшнего дня основываются на поземельном налоге и на внешних приходах» (имеются в виду контрибуции и т.п. – А. Г.)²⁵.

К.-А. Сен-Симон был не чужд военному делу (как-никак он воевал за свободу английских колоний в Северной Америке), он имел представление и о финансах (как-никак он был одним из крупнейших спекулянтов национальным имуществом в годы Революции). Но сейчас его интересы лежат в другой области. 1802 год – решающий год идеологического поворота во Франции. Мы должны искать Клода-Анри среди оппозиции литературной, журналистской, «академической», религиозной и, конечно, политической²⁶.

Общественно-политическую мысль этого периода в целом характеризует, во-первых, усиление правительственного контроля за «свободой слова» и, во-вторых, некоторое снижение интереса к чисто политическим дебатам, определенная психологическая усталость от бурной политизации времен Революции.

Несмотря на то, что Наполеон был подчеркнуто бесцеремонен и презрение к газетчикам, правительство с неослабным вниманием следило за идейным движением в журналистской среде. Наполеон очень хорошо, может быть, как никто другой до него, осознает значение общественного мнения и целенаправленно стремится им манипулировать.

Масса журналов различных оттенков была запрещена еще в годы Директории. Бонапарт декретом от 17.01.1800 сократил число существующих политических журналов до тринадцати. 31.01.1802 «*Decade philosophique*» дипломатично предостерегала: «Сделаем вывод, что сейчас время, когда больше, чем когда-либо литераторам следует рекомендовать быть осмотрительными, чтобы не усилить естественного консерватизма социальных благопристойностей...»²⁷.

Барановский Д. М. Республиканская оппозиция Наполеону I в годы Консульства. 1801-1804 // Французский ежегодник. 1978. М., 1980).

²⁵ *D'Ivernois F.* Les cinq promesses. Londres, 1803. P. XLIV, LXXVI.

²⁶ Об оппозиции политической, «академической», литературной, философской в годы Консульства см., например: *Gobert A.* L'opposition des assemblées pendant la Consulat (1800-1804). P., 1925; *Guillois. A.* Le salon de madame Helvetius. Cabanis et les ideologues. P., 1894; *Пекарский П.* Журналистика во Франции во времена Консульства и Империи // Современник, ХСII; *Шахов А.* Французская литература в первые годы XIX в. М., 1875; *Сэв Л.* Указ. соч.

²⁷ *Dautry J.* Op. cit. P.307.

Естественно, французы не бросили читать. «Французских Ведомостей, называемых Монитером расходится 20000 экземпляров, Парижского Журнала 14000, Защитника Отечества 12 000, Французской Газеты 12 000, Ключа Кабинета 8000: по сему можно судить, в моде ли журналы во Франции», – восклицает Н. М. Карамзин²⁸. Однако общество в целом весьма спокойно отреагировало на это ограничение свободы слова. «Политического оживления не было в прессе, потому что его не было в обществе», – пишет А. Шахов. «Как политическая свобода, так и свобода печати стали представляться заблуждением, вредной фантазией вольнодумцев»²⁹. Начиная со времен Директории, общество все меньше интересуется подробностями политической жизни. На место увлечения делами «отечества» приходит «дробная работа индивидуумов среди новых хозяйственных отношений»³⁰. А. Шахов делает акцент не на политической цензуре, а на запросах общества. Н. М. Карамзин цитирует один из журналов того времени: «Во всех газетах писали о страшном волнении, которое произвела в Париже... не новая Бонапартова Конституция, а новая Пикарова комедия «Провинциалы в Париже»³¹. О снижении интереса к политике при одновременном росте интереса к науке свидетельствует сокращение числа подписчиков на политические журналы: «20 марта 1801 года Парижская почта отправляла в Департаменты 19 политических и 25 ученых журналов, первых числом экземпляров 49 313, вторых только 4 365. 20 октября 1801 года она посылала 16 политических и 38 ученых журналов; первых 33 931 экземпляров, а вторых 7 070. Из чего видно, что в 7 месяцев убавилось на политические журналы 12 677 субскрибентов, а на ученые прибавилось 2 705»³².

Определенное снижение интереса к чисто политическим проблемам не означает исчезновения этого интереса вообще. Социальная и политическая борьба переодеваются в философские и литературные одежды. 30.05.1801 «Gazette de France» констатировала, что «политические споры замещены спорами литературными»³³. Важно, что это понималось самими современниками. «Вот уже более полувека, – писал Вильмен в 1822 году, – как в Европе расследуется грандиозный процесс; каждая книга – это защитительная речь, постоянно осуждаемая одной из сторон; все одаренные люди – вожди общественного мнения, всегда подвергающиеся нападкам правительства...»³⁴.

В литературном движении той поры формируются две партии – партия верная философии XVIII века, рационализму, свободной мысли, научному духу и партия склонная к мистицизму, безразличная или враждебная научному духу, приветствующая католический ренессанс и обвиняющая во всех грехах философию XVIII века. Рупором первой партии была «Decade», основанная еще в 1793 г., рупором второй – обновленная «Mercure de France» и «Debats». Откровенно реакционные «Debats» и «Mercure» были самыми популярными и читаемыми газетами. В них печатались Шатобриан, Бональд, Фонтан, Гено де Мюсси, Жоф-

²⁸ Вестн. Европы. 1802. Ч.2, № 5. С. 57.

²⁹ Шахов А. Вольтер и его время. М., 1907. С. 337.

³⁰ Шахов А. Французская литература в первые годы XIX века. М., 1875. С. 10-11.

³¹ London und Paris. 1802. St. 3. Цит. по: Вестн. Европы. 1802. Ч.5, № 19. С. 169.

³² Вестн. Европы. 1802. Ч. 2, № 7. С. 247-248.

³³ Dautry J. Op. cit. P.307.

³⁴ Journal des Débats. 1822. 28.09. P.4. Цит. по: Реизов Б.Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л., 1958. С. 112-113.

фруа, Лагарп, Фьеве. Направление этих журналов иллюстрирует одна фраза Фьеве в номере «Debats» от 5 вандемьера XI года: «Под философией XVIII века я разумею все то, что ложно в морали, законодательстве и политике»³⁵. В «Debats» же публиковались в отрывках последние тома уже упоминавшегося выше «Лицея» Лагарпа.

«Decade» имела с точки зрения большинства читающей публики того времени специфический характер. Она защищала принципы 1789 года, конституционалистов, отвечала на обвинения в «якобинизме». «Decade» опровергала главный тезис контрреволюционных идеологов: возложить ответственность за Революцию вообще и за ее «эксцессы» в частности на «философию» и «Энциклопедию». В виновности философов XVIII века убеждал читателей «Mercure de France» в частности Лагарп. Главными редакторами «Decade» были Женжюине, а затем Сэй. В «Decade» публиковались многие из так называемых «идеологов».

Само слово «идеология» было введено в оборот Дестюттом де Траси (1754-1836 гг.), членом Учредительного собрания, написавшим «Проект элементов идеологии предназначенных для центральных школ» (1801 г.)³⁶. «Идеология» де Траси - классика сенсуалистской философии н. XIX века - была хорошо известна в Европе. Самого Дестютта де Траси можно считать создателем «идеологической» школы в философии³⁷. Центром «идеологов» стал один из отделов Французской Академии – «отдел нравственных и политических наук». Здесь группировались наиболее влиятельные из свободных мыслителей того времени люди, которые «всегда враждебно относились к католической церкви и стали относиться враждебно к честолюбию Бонапарта»³⁸. 23.01.1803 этот отдел будет закрыт, а его члены распределены по другим отделам.

Самым известным местом времен Консульства, где собирались «идеологи» было общество «Отэй». «Идеологи» могли быть и членами Института, и членами Трибуната, и членами Законодательного собрания, но «Отэй» было собранием скорее интеллектуалов нежели активных политиков в салоне сорокалетней мадам Гельвещий. Действительно, лишённые всякого контакта с народными массами, которые они презирали, они не были способны не только к революционному, но и просто к активному оппозиционному действию. Парадокс в том, что они, как и некоторые роялистские оппозиционеры, отказались войти в мерию или в генеральные советы департаментов. «Они напоминают женевских патрициев - весьма замкнутый и аристократический кружок с выраженной англomanией»³⁹.

В салоне у мадам Гельвещий встречались Кабанис, Вольней, Дану, Женжюине, де Траси, Шенье, Андриё, Гара, Лебретон, Форейль, Дюпюи. Это была, по словам А.Гююиллуа, «элита Франции, интеллектуальный резерв страны». Здесь собирались все те «из бывших», кого пощадил эшафот⁴⁰. Лидером этого общест-

³⁵ Цит. по: Шахов А. Французская литература в первые годы XIX века. М., 1875. С. 31.

³⁶ Destutte de Tracy. Elements d'idéologie. P., 1817-1818.

³⁷ См., например: Шмидт Ю. История французской литературы. Т. 1. СПб., 1863. С. 45-47; Мишель А. Идея государства. М., 1909. С. 350-354.

³⁸ Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 825.

³⁹ Bergeron L L'Episod napoleonien. Aspects interieurs. 1799-1815. P., 1972. P. 106.

⁴⁰ Guillois A. Le salon de madame Helvetius. Cabanis et les idéologues. P., 1894. P. 3. А.Олар дополняет этот перечень Лаканалем, Нэжоном, Мерсье. См.: Олар А. Указ. соч. С. 825.

ва был Кабанис, друг Сийеса и Мирабо, зять Кондорсе, знакомый еще с Даламбером, Дидро, Гольбахом, Кондильяком, Тюрго, Франклином. В 1802 г. Кабанис выпустил в свет сенсуалистический «Трактат о физике и морали человека». Сенсуалисты из школы Кондильяка теперь сплотились вокруг Кабаниса. «Просвещение» у «идеологов» уже меняет свой дух, модифицируется, отходит понемногу от абстракций.

У А. Гюиллуа не встречается упоминания о посещении общества «Отэй» К.-А. Сен-Симоном, но другой французский исследователь «идеологов» Пикавет все же относит, начиная с 1798 г., К.-А. Сен-Симона и его друга доктора медицины Бурдена к идеологам⁴¹. Документально это Пикавет никак не подтверждает, хотя само по себе причисление К.-А. Сен-Симона к кругам, по крайней мере, близким «идеологам» выглядит вполне логично и правдоподобно. С еще большей уверенностью можно отнести К.-А. Сен-Симона к группе сторонников или подписчиков «Decade» – печатного органа «идеологов»⁴².

К.-А. Сен-Симона и «идеологов» может сближать, в частности, отношение к конкордату. По условиям конкордата католическая религия признавалась религией «большинства французов», государство брало на себя оплату труда священников, а церковь отказывалась от претензий в отношении распроданных или конфискованных в годы революции земель.⁴³ Миссионерским трудом религиозной регенерации во Франции стал труд Шатобриана «Гений христианства», своеобразная апология XVII века в противоположность веку XVIII. Но труд Шатобриана – это больше блестящая манифестация, чем оригинальная. Ведущая тенденция момента, как указывает Л. Бержерон, мода таковы: «Матильда» мадам Коттин, «Герцогиня де Лавальер» мадам Жанлис, «Приданое Сюзетты» Фьевэ, – все они прославляют моральные ценности Старого Порядка. «Гений христианства» имел своим предшественником «Чувства, рассмотренные в их взаимоотношении с литературой и искусствами» Балланша. Даже в живописи преобладают темы Библии, Евангелия, истории христианства. Революционные гимны в музыке сменяются музыкой литургической⁴⁴. «Религия необходима для поддержания порядка; главный враг – научный дух», эти аксиомы были выдвинуты в то время, – несколько сгущает краски Л. Сэв, – в качестве государственной доктрины⁴⁵. Между тем, возрождение католицизма даже при государственной поддержке встречало серьезные препятствия. В первую очередь это само состояние духа «христианского народа». «Революция мало дехристианизировала народ, она не похожа на разоблачителя, который демонстрирует каждому его истинное

⁴¹ Picavet F. Les idéologies. P., 1891. P. 458.

⁴² К кругам близким идеологам, к «попутчикам» идеологов примыкает еще другой круг людей занятых «интересами дня». Органом этой группы был «Публицист» Сюара и его главной сотрудницы Полины де Мейян, будущей жены Гизо (о литературных качествах Полины де Мейян, Сюаре, «Публицисте» см. мемуары ее подруги мадам Кавеньяк: Les Mémoires d'une Inconnue publiés sur manuscrit original. 1780-1916. P., 1894. P. 153 et suit). Мадам де Сталь и Б.Констан также являлись «попутчиками» идеологов. В теоретическом плане они имели несколько общих идей с философией Просвещения, но, с другой стороны, Сталь и Констан находились в оппозиции к некоторым исключительно важным положениям просветителей и идеологов, и в некоторых взглядах были близки антифилософской реакции. (см.: Mortier R. // Revue de la Littérature Moderne et Contemporaine. 1967. № IX-XII).

⁴³ См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 390-392.

⁴⁴ См.: Bergeron L. L'Épisode napoléonien... P. 221-222.

⁴⁵ См.: Сэв Л. Указ. соч. С. 59.

отношение к религии, она предпочитает формальный отказ. Но она привила «дурные привычки» и установила роковые принципы⁴⁶. Кроме того, Революция дезорганизовала епархиальную жизнь, принцип религиозной свободы способствовал развитию распущенности, распространению разнообразных «антицерковников», манифестациям городских безбожников, антиклерикальным настроениям в гарнизонах, философствованию возрождающихся масонских лож и т. д.

Проект Конкордата был опубликован еще 16.07.1801, внесен в Законодательный Корпус 05.04.1802, а 08.04.1802 стал законом. Посвящение первых четырех епископов назначено на Вербное Воскресение. Для обряда посвящения спешно подготавливали пришедший в запустение собор Парижской Богоматери. Торжественный молебен в соборе назначен на 18.04.1802, день Пасхи. Это должен был быть праздник, как говорилось официально, примирения революции с небом. Подготовка освещалась в прессе, был отпечатан церемониал, жены высших советников извещены, что Наполеон очень хочет их видеть на торжественном молебне. Бонапарт поехал в церковь на парадной карете, принадлежавшей еще старому двору, со всем придворным этикетом. «Пушечные выстрелы оповестили мир о воскресении церкви из мертвых и об этой первой попытке восстановить королевскую власть и королевское величие»⁴⁷.

Именно в тот момент, когда столь активно готовился торжественный молебен, К.-А. Сен-Симон совершил очередную свою эксцентрическую выходку. Когда жена спросила его, что он собирается сделать с накопленной им кучей обесценившихся ассигнат, то Клод-Анри заявил, что они нужны ему для поджога Нотр-Дама. Если это и шутка, то мало уместная и в чьих-то глазах богохульная, если это эпатаж, рассчитанный на болтливость жены, то все же в какой-то степени характеризующий его умонастроения, его отношение к готовящемуся торжественному молебну. Эту историю рассказал в своей книге М. Леруа, который считал ее подлинной. Ж. Дотри, стремящийся постоянно «радикализировать» К.-А. Сен-Симона, находит в этой истории свидетельство атеизма.⁴⁸ «Рационалист XVIII века» Сен-Симон, пишет Ж. Дотри, «утверждает свой материализм и атеизм», проявившейся еще в 1793 году во времена дехристианизации. В другом месте Ж. Дотри сравнивает К.-А. Сен-Симона с Лаландом и С. Маршалем⁴⁹. Ему вторит современный исследователь Л.Бержерон, указывающий, что Сен-Симон «сделал атеизм профессией»⁵⁰.

Представляется, что «атеизм» К.-А. Сен-Симона требует уточнений и пояснений. Ведь очень скоро, как мы ниже увидим, Сен-Симон заговорит о «новом христианстве».

О неприятии К.-А. Сен-Симоном Конкордата косвенно свидетельствует еще один внешне анекдотический поступок. В то время как во Франции был реставрирован католический брак, Клод Анри предпринимает очередной брачный эксперимент. Он отправляется в Швейцарию, где весьма экстравагантно сватается к

⁴⁶ *Bergeron L. L'Épisode napoléonien...* . P. 218.

⁴⁷ *Брандес Г. Реакция во Франции // Брандес Г. Собр. соч. Киев, 1902. Т. VII. С. 30.*

⁴⁸ *Dautry J. Op. cit. P. 313; Dautry J. Pour le cent-vingt-cinquième anniversaire de la mort de Saint-Simon // La Pensée. 1950. № 33. P. 30.*

⁴⁹ *Dautry J. Op. cit. P. 312.*

⁵⁰ *Bergeron L. L'Épisode napoléonien...* . P. 228.

знаменитой мадам де Сталь⁵¹. *Поведение* К.-А. Сен-Симона не менее красноречиво, чем слова мадам де Сталь из «Дельфины» (1802): «нерасторжимость несчастных браков превращает жизнь в ряд безнадежных страданий».⁵² Брачный авантюризм К.-А. Сен-Симона - не просто анекдот. Революционное законодательство (20.09.1792) допускало расторжение брака по взаимному соглашению «во имя индивидуальной свободы». В конце XVIII - начале XIX вв. этот вопрос опять обострился, он неоднократно обсуждался в Государственном совете, им интересовалось все образованное общество. Наполеон неоднократно при обсуждениях отдельных статей Гражданского кодекса (например, 16 термидора, 14 фрюктидора, 26 фрюктидора, 4 и 14 вандемьера, 24 фримера X года) сам выступает по этому вопросу на заседаниях Государственного совета⁵³. Отношение Наполеона к семье и браку было основано на государственном интересе. Множество статей на эту тему появилось в «Debats» и «Mercure de France». Выходит несколько специальных сочинений: «О разводе» Фьева (1797), «О семье, рассмотренной как элемент общества» Гюроде (1797), «О разводе и о разлучении» Маллевиля (1801), «Эссе по истории отеческой власти» А.Ногаре (1801), «О разводе» Бональда (1801), «О первобытном законодательстве» Бональда (1802), «По поводу законодательства о браке и о разводе» А.Ногаре (1802), «История законов о браке и о разводе» А. Ногаре (1803) и др. Эти сочинения направлены против развода и в защиту сильной отеческой власти. Неожиданное предложение К.-А. Сен-Симона мадам де Сталь заключить союз двух гениальных умов, нарожать таких же гениальных детей и провести первую брачную ночь на воздушном шаре рассчитано именно на эпатаж публики времен Конкордата и реставрации католического брака.

Возможно, что именно и заключение Конкордата подтолкнули К.-А. Сен-Симона к публичному выступлению в Лицее со своей «новой концепцией». Толчком для публичного выступления К.-А. Сен-Симона в начале 1802 г. могли послужить и политические перемены в государстве.

Каково отношение К.-А. Сен-Симона к Бонапарту в 1802 г.? С начала 1802 г. Наполеон стремится очистить Трибуналы и Законодательный Корпус от противников Конкордата⁵⁴. В январе 1802 г. были «отозваны» 60 членов Законодательного Корпуса и 20 членов Трибунала. «Теперь, - пишет А. Тьер, - все было покорно: волнение и странное противоборство обоих законодательных собраний было усмирено совершенно. Новая власть, которой Первый консул был недавно облечен, также подействовала на умы...»⁵⁵. Но Наполеон стремится удалить из органов власти в первую очередь либералов и «идеологов» таких, как, например, Ж. Б. Сэй,

⁵¹ Подробнее см.: *Гладышев А. В.* Сен-Симон и мадам де Сталь: отклоненное предложение // Проблемы истории идеологии и культуры. Саратов, 1992.

⁵² Это сочинение мадам де Сталь не понравилось Бонапарту и через «Дебаты» было объявлено «антиобщественным» и «очень опасным». (см.: *Bergeron L.* L'Épisode napoléonien... P. 106). По поводу «Дельфины», упоминаемой выше, Фонтан высказался об авторе романа следующим образом: «Она говорит о любви, как вакханка, о Боге - как квакер, о смерти - как гренадер и о морали - как софист» (цит. по: *Фаге Э.* История французской литературы. XIX век. СПб., 1901. С. 28).

⁵³ См.: *Memoires sur le Consulat. 1799 a 1804 par un ancien conseiller d'état.* P., 1827. P 426 etc.

⁵⁴ Данные о голосовании «за» или «против» по тому или иному вопросу в Трибунале и Законодательном корпусе см.: *Mémoires sur le Consulat. 1799 a 1804 par un ancien conseiller d'état.* P., 1827. P. 191-211.

⁵⁵ *Тьер А.* История Консульства. СПб., 1847. Т. 4, ч. 7. С. 115.

который с 1801 г. был редактором «Decade». В марте 1802 вместо того, чтобы в целях ротации определить одну пятую выходящих из Трибуната и Законодательного корпуса членом по жребию, как того требовала Конституция, специальный «сенатус-консульт» Наполеона указал на вождей оппозиции как на не подлежащих возобновлению. Речь шла о Констане, Дону, Иснаре, Тибо, Женгене, Сэе, Дюпюи, Шенье, Андрье, Ларомигьере и др.⁵⁶. «Каждый шаг Первого Консула все более и более откровенно афишировал его беспредельную амбицию», - напишет позднее злопамятная мадам де Сталь, имея в виду начало 1802 года⁵⁷.

К.-А. Сен-Симон, как и в годы Французской революции конца XVIII века, остается республиканцем и во времена Консульства. Во «Втором проспекте проекта Энциклопедии» (1810) Клод Анри будет настаивать на своей постоянной приверженности республиканским принципам. В 1802 г. К.-А. Сен-Симон - не демократ, а умеренный республиканец, который может принять диктатуру Бонапарта, но только до определенной степени.

Республиканизм К.-А. Сен-Симона подтверждается его отношением к установлению во Франции монархической формы правления. 18.05.1804 провозглашена Империя.

Ж. Дотри было обнаружено письмо (скорее, это даже записка) К.-А. Сен-Симона своему другу сенатору Перрего от 05.12.1804, в котором говорилось: «Коронация, мой друг, вызвала у меня душевный кризис и вот в чем его причина: мне кажется, что с этого момента и еще на очень долгое время монархическая форма правления будет единственной, на которую согласятся парижане и соответственно стало быть французы».⁵⁸ И далее автор письма добавляет, что «несмотря на народное одобрение, он не более, чем смиряется с этой монархией нового типа»⁵⁹. Частный характер записки, отношения доверительности с адресатом делают это свидетельство весьма убедительным. Послание К.-А. Сен-Симона Перрего также не случайно. У Ж. Сюратто встречается указание на Перрего, как на «принципиального республиканца», который голосовал еще против пожизненного консульства, заявив при этом: «Я никогда не подам свой голос за тирана, как бы он ни называл себя - королем, императором, триумвиром или пожизненным консулом»⁶⁰.

Однако, К.-А. Сен-Симон в 1802 г. (по крайней мере в первой половине 1802 г.) еще не является политическим противником Наполеона. «Позавчерашний революционер, сторонник крайних мер, вчера еще связанный с победителями тирана (Робеспьера. – А. Г.), сегодня Сен-Симон кажется расположен принять любой режим, который будет умеренным и сильным... После кризиса санкюлотизма, после нескольких лет симпатий умеренным республиканцам в жизни Сен-Симона начинается новый период, он включается в процесс объединения всех людей порядка: и ветеранов революции и интеллектуалов новой Франции», -

⁵⁶ Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913. С. 76; Собоуль А. Первая республика. С. 347.

⁵⁷ *Stael de*. Dix années d'exil. P., S.a. P. 54.

⁵⁸ Цит. по: *Dautry J.* Sur un imprimé retrouvé... P. 312.

⁵⁹ *Dautry J.* La Révolution nécessaire selon Saint-Simon // *Annales historiques de la Révolution française*. 1966. № 184. P. 32.

⁶⁰ *Сюратто Ж.* Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории // Французский ежегодник. 1960. М., 1961. С. 106.

пишет А. Гуйе⁶¹. Первое (если не считать таковыми письма в «Общество Лицея») социально-философское сочинение – «Письма женевого обитателя» К.-А. Сен-Симон посвятит Бонапарту. Он еще придерживается некоторых иллюзий «идеологов», что Наполеон может стать не тираном, а «агентом новой учести», главой «государства идеологов».

Таким образом, все же не чисто политические, а в большей степени идейные, научные, духовные, а отчасти и психологические мотивы заставили К.-А. Сен-Симона вступить на зыбкое поприще социальных наук.

Очень многие знакомые и друзья К.-А. Сен-Симона занимаются в это время вопросами народного образования: Кабанис, Дестютт де Траси, Вольней, Фуркруа, Дюпюи. Близость К.-А. Сен-Симона к кружку государственных деятелей, занимающихся вопросами народного образования, обращает внимание еще на один факт, «который оставался долгое время незамеченным», как деликатно выразился М. Домманже. К.-А. Сен-Симон во времена Консульства был подписчиком «Общества Материнской Благотворительности», которое занималось вопросами помощи детям. Кроме Сен-Симона, в списке подписчиков значатся также известные политики Буасси д'Англа и Сийес, учитель глухонемых Сикард, одни из инициаторов создания комнат-приютов - супруги Пасторе, Неккер, Делессер, Рекамье. Жена К.-А. Сен-Симона даже входила в Административный совет⁶².

27.03.1802 был подписан Амьенский мир. 02.08.1802 Бонапарт объявлен «пожизненным консулом». В соответствии с сенатус-консультом от 04.08.1802 его права сильно расширились. Как писал Буриенн в своих воспоминаниях: «для самых непрозорливых людей стало очевидно, что могуществу первого консула недостает одного только наименования и что все с данного времени им делаемое обнаруживало скрытые замыслы и честолюбие, весьма превышающее пожизненное консульство»⁶³.

Сразу после заключения Амьенского мира К.-А. Сен-Симон отправляется в Англию. Для реакционной, антипросветительской публицистики того времени было характерно критиковать Англию. «Mercure de France» прямо связывала англomанию с философией XVIII века. Либералы же, наоборот, ставили Англию в пример. В начале августа 1802 года увидел свет «Последний взгляд на политику и финансы французской нации» Неккера, в котором критиковалась Конституция 1799 года, а в качестве положительного примера указывалась английская монархия. Это сочинение не является, как может показаться, проявлением эволюции либерала в сторону роялизма под давлением авторитарных шагов Наполеона. Неккер защищает не принцип монархии, а английские порядки, в первую очередь английский парламентаризм. Политическая и интеллектуальная ситуация в Англии в чем-то была парадоксальна: с одной стороны, Англия – колыбель контрреволюционной мысли, с другой, - страна либерального изменения, это страна аристократического общества и, в то же время, - место утверждения новой буржуазии и народных демократических движений, это страна консерватив-

⁶¹ См.: *Gouhier H.* Op.cit. Т.2. Р.111-112.

⁶² См.: *Dommanget M.* Henri de Saint-Simon. P., 1953. P 30.

⁶³ *Bourienne.* Mémoires sur Napoleon. P., 1830. Т.4. Р 324. Цит.по: *Туган-Барановский Д.М.* Республиканская оппозиция Наполеону I в годы Консульства. 1801-1804 //Французский ежегодник. 1978. М., 1980. С. 148.

ного клерикализма средневековых университетов и, в то же время, всех типов диссиденства⁶⁴. Что ищет К.-А. Сен-Симон в Англии? В своих автобиографических заметках позднее он напишет, что «после заключения Амьенского мира направился в Англию и выяснил, что англичане ничуть не занимаются реорганизацией научной системы, и что они не имеют... никакой *капитальной новой идеи*» (Выделено мной. – А. Г.)⁶⁵. Таким образом, он не забывает о своей «новой концепции», он ищет таковую в передовой Англии. Само по себе путешествие К.-А. Сен-Симона в Англию в поисках новых идей не диссонирует с практикой культурных обменов того времени. Самые разнообразные фракции интеллектуалов и во время революции, и после нее были в постоянной миграции или в изгнании. «В качестве гипотезы можно предположить, что эти миграции (и культурные трансферты, которые им сопутствовали) были одной из основных медитаций для появления у интеллектуалов более глобального социального знания, которое играло как бы роль посредника между элитарным космополитизмом века Просвещения и новыми коллективистскими представлениями конца XIX века»⁶⁶. Политический туризм становится модой.

Не добившись трибуны в Лицее, не найдя понимания в Англии и согласия на любовь и сотрудничество у знаменитой мадам де Сталь, К.-А. Сен-Симон выбирает другой путь обратить на себя внимание современников. В 1802 году выходят «Письма Женевского обитателя своим современникам». К.-А. Сен-Симон предпринял прямолинейную и неудачную попытку привлечь внимание: он пишет письмо Первому Консулу, в котором, в частности льстиво уверяет: «Я осмелюсь сказать Вам, что, по моему мнению, вы единственный из современников, который может судить об этом сочинении»⁶⁷.

К.-А. Сен-Симон недаром был знаком с самым широким кругом передовых ученых Франции того времени. «Письма Женевского обитателя» своеобразный гимн науке, гимн ученым: «какое место в обществе занимают ученые, – пишет автор, так и живет народ»⁶⁸. К.-А. Сен-Симон здесь говорит именно об «ученых», а не вообще о «просветителях» или там о ком-то еще. Само развитие институтов научных исследований давало дифиницию профессии «ученого», которой прежде не существовало⁶⁹. В противоположность, как уже указывалось, реакционной публицистике, ругавшей математику, англomанию, философию и Ньютона, К.-А. Сен-Симон предлагает для улучшения участи человечества создать «Совет Ньютона», в который бы вошел 21 избранник человечества из математиков, физиков, химиков, физиологов, литераторов, художников и музыкантов. Этот «Совет Ньютона» и должен руководить всеми работами. Именно ученые должны вести за собой человечество, ибо ученый, говорит Сен-Симон, это человек, который может предвидеть, наука полезна потому, что она дает челове-

⁶⁴ См.: *Christophe Charle. Les intellectuelles en Europe au XIX siecle. Essai d'histoire comparée.* P., 1996. P.79.

⁶⁵ *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin.* T.1. P., 1865. P. 21.

⁶⁶ *Christophe Charle.* Op.cit. P. 108.

⁶⁷ *Oeuvres Saint-Simon et d'Enfantin.* T.1. P., 1865. P 23.

⁶⁸ *Сен-Симон.* Избранные сочинения. М. Л., 1948. Т. 1. С. 125.

⁶⁹ *Christophe Ch.* Op.cit. P.39; См. также: *Dhombres N. et J. Sciences et Savants en France. Naissance d'un nouveau pouvoir (1793-1824).* P., 1989.

ку возможность предсказывать будущее, указывать людям, как улучшить это будущее⁷⁰.

Теологи, христианские философы или литераторы – их позиция глубоко антинаучна. «Это суетности знания мы обязаны всеми нашими несчастьями... Столетие ученых приближает столетие разрушений», – писал Шатобриан в «Гении христианства»⁷¹. Ривароль в памфлете «О современной философии» (1799), направленном против Идеологов, критикует анализ, который «разлагает и убивает», разрушает идеи и институты, подготавливает перевороты социального порядка. Лагарп не боится похвалить схоластическую философию и прежние Университеты. Ж. де Местр в «Петербургских вечерах» указывает, что это вовсе не наука способствует продолжению человеческого рода.

Напротив, во «Введении в научные труды XIX века» К.-А. Сен-Симон будет утверждать, что «беглый просмотр хода развития человеческого духа» ему полностью доказал, что Бональд и подобные ему мыслители впали в ошибку. Ньютонизм, распространенный французскими энциклопедистами – главный факт, основная новая идея, которая должна служить основой новой научной системы а затем и новой религиозной системы.

Может быть, ньютоновские пассажи К.-А. Сен-Симона в 1802 году и неубедительны, и поверхностны, автору еще явно не хватает глубины знаний, в мыслях и стиле чувствуется что-то «болезненное, экстатическое; чувствуется недостаточная продуманность, иногда шаткость первоосновы его мирозерцания»⁷². Может быть. Но в этом сочинении уже содержатся многие идеи, которые позднее лягут в основу его учения. Мысль о первенствующей роли науки в индустриальном обществе XIX века – одна из них.

Первые сочинения К.-А. Сен-Симона долгое время будут обречены на забвение. Письма «Обществу Лицея» лишь открывают список неудач. Только за 15 дней до смерти Сен-Симон признается своему другу и ученику О. Родригу в существовании написанного еще в 1807 году «Введения в научные труды XIX века», и О. Родриг будет считать это сочинение первым трудом Сен-Симона, только в 1826 году узнав о существовании и неудаче «Писем Женевского обитателя» и «Эскиза нового плана социальной организации»⁷³.

⁷⁰ *Saint-Simon C. H. Textes choisis.* P., 1951. P. 65-66.

⁷¹ *Bergeron L. L'Épiscopat napoléonien...* P. 224.

⁷² *Анекдотейн А.* Анри де Сен-Симон. Его жизнь и учение. М.; Л., 1926. С. 37.

⁷³ См.: *Dautry J. Sur un imprimé retrouvé...* P. 304-305.